Голоса летнего дня

Автор:
Ирвин Шоу

Голоса летнего дня

Ирвин Шоу

Эксклюзивная классика (АСТ)

Прекрасным летним днем на немолодого уже человека, наблюдающего за увлеченной игрой сынишки в бейсбол, накатили воспоминания. Воспоминания о том, как и сам он был таким же мальчишкой и что случилось потом…

Детство, отрочество, юность. Первая любовь и большие надежды. Годы учения и мучительных поисков работы. Великая депрессия, прокатившаяся по США. Война. Любовь уже взрослая, большая и непростая. Брак. Измены. Сомнения. Кризис среднего возраста. Нелегкий путь к принятию себя и обретению мудрости. Жизнь как она есть, счастливая и несчастная, полная радостей и неудач, ничего не дающая даром и за все заставляющая платить ту или иную цену.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Ирвин Шоу

Голоса летнего дня

Посвящается Бетти Сикр

Серия «Эксклюзивная классика»

Irwin Shaw

VOICES OF A SUMMER DAY

Перевод с английского Н. Рейн

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств The Sayle Literary Agency и The Marsh Agency Ltd.

© Irwin Shaw, 1965

© Перевод. Н. Рейн, наследники, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Он подъехал к дому. Красный флажок был поднят, но в доме стояла мертвая тишина.

– Пегги! – окликнул он. – Пегги!

Ответа не последовало. Ни жены, ни детей дома не было.

Он вышел и стал смотреть на океан. Волны вздымались на высоту около десяти футов; между линией прибоя и берегом, который был отмечен выброшенными на песок водорослями, кипела пена. Позади, насколько мог охватить глаз, танцевали в открытом океане барашки. Пляж был пуст, если не считать высокой девушки в черном купальнике. Она медленно шла у самой кромки воды, за ней трусили две сиамские кошки. У девушки были длинные светлые волосы, их вздымал и развевал ветер. На фоне темной воды руки и ноги казались особенно белыми, а кошки, сновавшие у ее щиколоток, создавали бледное подобие миниатюрных джунглей. Девушка находилась слишком далеко, и ему не удавалось разглядеть, хорошенькая она или нет, и в его сторону она ни разу не

обернулась. Но ему вдруг страшно захотелось, чтоб она оказалась его знакомой. Тогда он мог бы окликнуть ее, увидеть, как она улыбнется в ответ, остановится и будет ждать, пока он не подойдет. И тогда бы они вместе отправились гулять по пляжу в сопровождении пары маленьких тигров под аккомпанемент прибоя. И он узнал бы, почему такая молоденькая и красивая девушка гуляет в полном одиночестве по пустынному пляжу в этот солнечный и ясный летний день.

Он провожал фигурку глазами, и она становилась все меньше и меньше. А кошки пустынной расцветки были уже почти не видны на фоне песка. Волны отливали ярким блеском и слепили глаза. Вот она мелькнула последний раз и исчезла. И пляж снова опустел.

Купаться при такой волне было невозможно, девушка ушла, а торчать дома одному ему не хотелось. Тогда он зашел в дом, переоделся, сел в машину и поехал в город. На школьном дворе играли в бейсбол. Игра была в самом разгаре, мальчики, юноши и несколько спортсменов постарше носились под жарким солнцем. «Наверняка обгорят и пожалеют позже об этом», – подумал он.

А потом он вдруг увидел своего сына, который играл центральным филдером[1 - Полевой игрок. – Здесь и далее примеч. пер.]. Он остановил машину, вышел и уселся на одну из широких, нагретых солнцем деревянных скамей, стоявших вблизи третьей базы[2 - База – один из четырех углов бейсбольного поля, представляет собой квадрат со сторонами 37,5 см, заполненный мягким материалом.]. Откинувшись на спинку, он подставил лицо солнечным лучам – высокий, быстрый в движениях мужчина с седеющей шевелюрой и выразительным властным лицом. Он был в слаксах и голубой хлопковой тенниске с короткими рукавами – довольно распространенная одежда мужчин, находящихся на отдыхе. На продолговатом лице с неправильными чертами – следы злоупотребления спиртным и переутомления, что само по себе не являлось в их среде чем-то из ряда вон выходящим.

Нет, молодым он больше не выглядел, хотя, если смотреть издали, стройная, поджарая фигура и манера быстро и легко двигаться могли ввести в заблуждение. То был зрелого возраста мужчина, тут сразу и во всем чувствовался опыт, особенно если присмотреться. Глаза глубоко черные, полуприкрытые тяжелыми веками, а темная полоска густых ресниц наводила на мысль о скорби, которой отмечены порой лица жителей Средиземноморья. Впечатление усугублялось оливкового цвета кожей, туго обтягивающей высокие скулы. Он обменялся приветствиями с несколькими игроками и зрителями, и

впечатление о его меланхолии тут же испарилось – такая открытость и дружелюбие сквозили в голосе и манерах. Столь необычное сочетание веселого голоса и печальных черт присуще обычно людям, вынужденным часто смиряться с неизбежным. Иногда циничным, но редко – подозрительным. Он был человеком, который даже позволял обманывать себя, правда, только по мелочам, чем нещадно и бессовестно пользовались водители такси, работодатели, дети и женщины. Он всякий раз догадывался об этом, когда случалось нечто подобное, и почти тотчас же забывал.

Тем временем находившийся на поле бэттер[3 - Игрок из команды нападения, отбивающий с помощью биты броски питчера.] готовился отбить бросок питчера[4 - Игрок обороняющейся команды, который должен вбрасывать мяч в зону страйка.] и перебежать к новой базе. Бэттером сегодня «работал» пятнадцатилетний мальчик, слишком мелкий для своего возраста. Питчер же был парнем добрых шести футов и трех дюймов роста, в 1947-м он играл за команду «Коламбия».

Третий филдер, паренек лет восемнадцати по имени Энди Робертс, крикнул:

– Желаете на мое место, мистер Федров? Я обещал быть дома к четырем.

– Нет, спасибо, Энди, – ответил Федров. – В прошлом сезоне я выступил бэттером самым позорным образом и с тех пор забросил свои шиповки за шкаф.

Мальчик рассмеялся:

– Может, все же стоит попробовать? Что, если этот сезон окажется удачнее?

– Сомневаюсь, – сказал Федров. – Такое случается крайне редко, особенно после того как тебе стукнуло пятьдесят.

Бэттер отбросил биту и затрусил к первой базе. Федров помахал рукой сыну – тот находился в середине поля. Сын поднял руку в ответ.

– Энди! – крикнул Федров. – Как успехи у Майкла?

– Филдер из него неплохой, – ответил Энди. – А вот удар слабоват.

– Быстрый бег – это у нас семейное, – заметил Федров. – Однако мой отец в жизни ни разу не ударил битой по мячу.

Следующий бэттер послал длинную передачу в центр поля, и Майкл прекрасно справился, отбил ее на бегу через плечо, затем развернулся и сильным толчком послал мяч в первую базу, что заставило юношу из команды противника рвануть туда же изо всех сил, чтобы попасть на базу первым. Майкл был левшой и двигался с особой грацией, какой, как казалось Федрову, были отмечены левши во всех видах спорта. До Майкла ни одного левши в их семье никогда не было. Да и в семье жены, насколько ему было известно, тоже. И порой Федров искренне дивился этому генетическому отклонению и рассматривал его как некий знак избранности, некоего особого и загадочного предназначения, хотя к добру или к злу это ведет, сказать затруднялся. Сестренке Майкла недавно исполнилось одиннадцать, и она была для своего возраста весьма хитрой и сообразительной девчонкой. Она очень любила дразнить брата. «Левый, Левый! – нараспев кричала она Майклу, когда между ними возникали разногласия. – Старый Папа Римский Левый Первый!»

Теперь Старый Папа Римский Левый Первый дождался своей очереди бить по мячу, а потом покинул поле, подбежал к скамейке и уселся рядом с отцом.

– Привет, па. – Он ласково коснулся его плеча. – Ну, как идут делишки в грязном городишке?

– Грязно, – ответил Федров.

У него с братом был общий бизнес, связанный с заключением контрактов на строительство. И хотя в это жаркое субботнее утро на столах у каждого в нью-йоркском офисе высились груды неразобранных бумаг, причина того, что он задержался в городе, крылась совсем в другом. Он пытался помочь брату Луису утрясти проблемы с третьей женой. Тот собирался развестись, чтобы жениться на четвертой. Третья горела желанием отомстить и грозила закатить нешуточный скандал в суде. Луис был архитектором, и его причастность к миру искусства, а также привлекательная внешность делали его желанной добычей для женщин. Что, в свою очередь, постоянно вовлекало в ненужные расходы.

– Где твоя мать? – спросил Федров сына. – Я приехал, а дома никого нет.

– Бридж, парикмахерская, откуда мне знать… – небрежно отмахнулся Майкл. – Ну сам понимаешь, дамы они и есть дамы. К обеду появится.

– Надеюсь, – сказал Федров.

Напарник Майкла покинул поле, и мальчик, взяв перчатку, поднялся и пошел занимать свою позицию.

– Майк! – крикнул ему вдогонку Федров. – Ты слишком сильно размахиваешься, когда отбиваешь высокий мяч.

– Знаю, – ответил Майкл. – И вообще я закоренелый грешник.

Майку было всего тринадцать, но он, как и его сестра, был заядлым книгочеем, не вылезал из библиотек, что, несомненно, отражалось на словарном запасе.

Минут через пять возле первой базы разгорелся жаркий спор. И два мальчика орали друг другу, впрочем, без особой злобы:

– Ну ты, бродяга!

– Убил бы этого судью!

– Прекратите! – громко крикнул Федров и сам, как и мальчики, удивился резкости своего тона.

После этого ребята притихли, лишь изредка с любопытством косясь на него. А Федров всякий раз демонстративно отворачивался. Ему самому тысячу раз доводилось слышать этот окрик, как, впрочем, и этим ребятам. А вот объяснять, чем вызвана внезапная вспышка гнева, не хотелось даже самому себе. С того времени, как убили президента, Федров, порой сознательно, порой бессознательно, воздерживался от употребления таких слов, как «убить», «убийство», «стрелять», «револьвер». А читая что-либо, старался пропускать места, где мелькали эти слова, и избегал вступать в разговоры, где они могли прозвучать. Он был наслышан об издевательских, в духе черного юмора,

комментариях в одной из далласских газет, где якобы приветствовали то роковое прибытие президента в город. И еще он читал о некоем священнике, который утверждал, будто все далласские школьники радостными криками приветствовали известие о гибели президента. А от одного нью-йоркского знакомого, футбольного судьи, слышал, что когда через десять лет после убийства президента в Далласе играла команда из НьюЙорка под названием «Гиганты», по завершении матча за автобусом, где ехали эти игроки, следовал по улицам открытый автомобиль. Сидевшие в нем парни и девушки громко скандировали: «Кеннеди нет, на очереди Джонсон, Кеннеди нет, на очереди Джонсон!»

«Дети… – с изумлением говорил ему судья. – Просто ребятишки, с виду такие же, как все. Прямо не верится! И никто, ни один человек, не пытался их остановить!»

Дети, просто ребятишки… Как эти мальчики, что носятся сейчас по полю. Как его собственный сын. В точно таких же синих джинсах. Они посещают точно такие же школы, слушают ту же совершенно невообразимую и жуткую, на его взгляд, музыку по радио и телевизору, играют в те же игры. Дети, которых любили родители, как сам он любил своих сына и дочь. И эти же дети, точно некое неведомое дикарское племя, выкрикивали злобные заклинания, оскорбляя память погибшего человека, который был лучше любого из них. Похожим на которого никогда не удастся стать ни одному из них…

Да черт с ними со всеми, подумал он. Нельзя же вечно вспоминать и думать об этом.

И он усилием воли вернул себя в состояние ленивой и бездумной полуденной неги. И вскоре, убаюканный неспешным и столь хорошо знакомым ритмом игры, вновь смотрел на поле сквозь полуопущенные, нагретые солнцем веки. Сидел, откинувшись на спинку деревянной скамьи, и не особенно следил за тем, что там происходит. А мальчики продолжали перебегать с базы на базу, отбивать броски, меняться сторонами. Он видел, как сын сделал две удачные перебежки и еще одну – довольно посредственную, но не испытал при этом ни гордости, ни огорчения. Майкл был высоким для своего возраста, к тому же крепким и широкоплечим, и Федров, глядя на него, обычно ощущал присущее всем отцам чувство удовлетворения. Раскованный в движениях, смуглый от загара, он очень неплохо смотрелся на большом зеленом поле.

И вот он уже дремал. Он был одним из немногих зрителей среди длинных рядов скамей, а одна игра сменяла другую, одно поколение – другое. Они играли в бейсбол, только много лет назад… в Харрисоне, штат Нью-Джерси, где он вырос. А позднее – в студенческих кампусах, где он никогда не был достаточно хорош, чтобы войти в университетскую сборную. И это – несмотря на умение уверенно держаться на поле и быстро бегать. Звуки были все те же, они ничуть не изменились за долгие годы. То были звуки, типичные для каждого американского лета – глухой стук биты о мяч, крики игроков внутреннего поля, сухой хлопок мяча, угодившего в перчатку, возглас питчера: «Третий промах – и ты вылетаешь!» Целые поколения американцев выросли, кружа и вертясь возле этих баз, как и сорок лет назад, когда давно умершие мальчики били дубли, вздымалась из-под шиповок игроков пыль, нынешние знаменитости позорно ошибались, забытые друзья выковыривали налипшую между шипами глину концами бит. На протяжении десятилетий голоса тренеров тревожно предупреждали при высокой подаче: «Следи за мячом! Следи за мячом!» Отдаленные голоса детства и юности…

1927 год

Бенджамин Федров держал своего брата Луи за руку. Они оба отдыхали в этом летнем лагере в прошлом году, однако родители, провожая мальчиков, умоляли Бенджамина присматривать за Луи, которому было всего девять.

Лагерь находился в Вермонте, и добираться до него из Нью-Йорка приходилось ночью: сперва вечерним паромом через Фолл-Ривер, затем – автобусами. Путешествие занимало целый день. И вот вечером 30 июня 1927 года, задолго до отплытия, навес у причала, в который упиралась Фултон-стрит, начал заполняться людьми. То были мальчики с родителями, а также воспитателями, обреченными на протяжении целых двух месяцев беречь каждого драгоценного малютку пуще зеницы ока. Чтобы он, не дай Бог, не утонул, чтоб не укусила змея, чтоб не тосковал по дому. А главное – оберегать от морального разложения. В толпе мелькали заплаканные детские лица – то были самые маленькие мальчики, впервые расстававшиеся с родителями. Но в целом атмосфера под этим старым темным навесом, пропахшим морской солью, а также ароматами особо пахучих грузов, царила лихорадочно-праздничная. Мамы целовали своих чад на прощание, отцы стремились переговорить с воспитателями, предупредить, к примеру, что их сыновья до сих пор еще могут

описаться в постели, или ходят во сне, или же им ни в коем случае нельзя разрешать нырять – из-за свища. Звучали свистки, потерянные теннисные ракетки вдруг находились в последний момент. А сами каникулы начинались со столпотворения у трапа.

Стараясь выглядеть солидным и умудренным опытом, Бенджамин выждал, пока все мальчики не поднимутся на борт, и лишь затем неспешно двинулся к трапу, держа брата за руку. Даже тогда, в детстве, братья были абсолютно не похожи друг на друга. Бенджамин был высоким и слишком крупным для своего возраста мальчиком – с мускулами и грацией прирожденного атлета, с удивительной быстротой реакции, как физической, так и умственной. У Луиса был высокий и чистый ангельский лобик, окаймленный золотистыми кудряшками. И мальчиком он был тихим, мечтательным, постоянно погруженным в себя, хотя и необщительным его тоже назвать было нельзя. Сдержанный в выражении чувств, ничуть не настырный, но тем не менее страшно упрямый, Луис, сколь ни покажется это странным, моментально превращался в беспощадного и яростного драчуна, когда на него нападали. А потому был частенько бит ребятами на два-три года старше себя – соседскими мальчишками из того района в Харрисоне, где проживала семья Федровых.

Израиль Федров, отец Луиса и Бенджамина, попал в Америку из России в возрасте шести лет. Приехали они всей семьей, насчитывавшей восемь ребятишек. Израиль вырос в Нью-Йорке, в Ист-Сайде, и вдоволь вкусил всего – и разных страхов, и тяжкого труда до седьмого пота. И лишь в двадцатые годы начал процветать, обзаведясь небольшим магазинчиком по продаже автомобильных запчастей, который он с партнером открыл на окраине НьюЙорка. Сам факт, что теперь, в 1927-м, он может позволить себе потратить шестьсот долларов, чтобы отправить сыновей на каникулы в горы, казался ему чудом. Впрочем, и раньше одного осознания той грандиозной разницы между жизнью здесь, в Америке, и жалким существованием, которое бы они влачили, оставшись в России, было достаточно, чтоб превратить его в истового патриота своей новой родины. В 1917-м, несмотря на то что он уже был женат и имел ребенка, а второй был, что называется, на подходе, Израиль записался в армию добровольцем. Он ушел на фронт, оставив жену жить на те мизерные деньги, которые она зарабатывала, давая уроки игры на фортепьяно, а также на те крохи, которыми делились с ней члены ее семьи, такие же нищие, как и они сами.

Израиль был привержен идее отдать свой долг стране, приютившей его. Настолько яростно привержен, что это стало причиной одной из редких в семье ссор. У него был младший брат, Сэмюэль. Двадцатилетний юноша хотел стать профессиональным пианистом и считал, что Шопен и Шуман важнее всех на свете войн. На семейном совете было решено, что им достаточно одного сумасшедшего, отправившегося защищать родину. И что Сэмюэлю, следуя вековой традиции, зародившейся еще в еврейских деревнях и местечках России, следует устроить членовредительство (в иммигрантских общинах имелись настоящие специалисты по этой части), чтоб его в результате признали непригодным к военной службе. Наиболее распространенным способом избежать призыва считалось в России отсечение пальца. Этот вариант рассмотрели и отвергли, поскольку он явно не годился для будущего пианиста. И тут в разгар споров Израиль вдруг вылетел из дома со словами, что ни за что и никогда не будет больше общаться со своими родственниками, если Сэмюэль согласится на это позорное предложение.

Гнев брата произвел должное впечатление, и Сэмюэль покорно явился в призывную комиссию, где с величайшим облегчением и даже радостью вдруг узнал, что у него какие-то шумы в сердце и что к службе он непригоден. И с тех пор он счастливо играл себе на фортепьяно, хотя прошли долгие годы, прежде чем Израиль наконец простил его.

Столь быстрое и бездумное вступление в армию Соединенных Штатов, участвующих в войне, на которую в результате Израиль так и не попал, было совершенно дурацким и никчемным жестом, имевшим самые катастрофические последствия. И являлось, пожалуй, единственным эгоистичным поступком, который совершил Израиль Федров за всю свою семидесятилетнюю жизнь.

Раздался долгий басистый гудок, швартовы были отданы, последний взмах платочком на пристани, и мальчики, столпившиеся у перил, стали наблюдать за тем, как проплывают мимо здания Нью-Йорка, освещенные лучами заходящего солнца. А пароходик тем временем набирал скорость и устремился вниз по реке, к проливу Лонг-Айленд-Саунд, минуя Монток, чтобы выйти затем в открытое и спокойное море.

Бенджамин не стал дожидаться, когда они достигнут моста Хеллгейт, и спустился вниз, в каюту. Две недели назад он приобрел новую перчатку филдера, для чего пришлось специально совершить долгое путешествие из Харрисона до магазина на Нассау-стрит в центре Нью-Йорка, славившегося

самым лучшим выбором спортивного инвентаря, особенно для игры в бейсбол. Перчатка была в точности той же модели, что у Эдди Руша, и стоила целых пять долларов пятьдесят центов. Бенджамин очень серьезно, даже трепетно относился к бейсболу. Он не стал укладывать перчатку в сундучок со свитерами, носками и формой для лагеря, где на каждый предмет была рукой матери нашита метка с его именем. Весь багаж отправлялся заранее, и он не мог рисковать, доверив столь ценную вещь незнакомым людям. И вот он достал перчатку из сумки с туалетными принадлежностями, извлек оттуда и бутылочку специального крема для ног, которым – и только им! – полагалось смазывать перчатку. Усевшись на койку в каюте, он начал осторожно втирать крем в новую кожу, предварительно натянув перчатку на руку и сжав руку в кулак, чтобы сидела как влитая. А белый пароходик тем временем, трудолюбиво пыхтя, плыл себе по реке, и в иллюминатор врывался ветерок, пахнущий солью, неизведанным будущим, бесчисленными и нескончаемыми путешествиями. Позднее он понял, что то был, наверное, счастливейший миг в его жизни. Впрочем, даже в тот момент, принюхиваясь к свежей коже и ветру, он подспудно осознавал это и страшно расстроился, когда воспитатель, распахнув дверь в каюту, объявил, что пора на обед.

Только к вечеру следующего дня они добрались наконец на автобусах до лагеря. Побросав свои вещи на койки в палатках на шесть человек каждая, где им предстояло прожить целых два месяца, и покорно проглотив по ложке касторки (этот ритуал знаменовал открытие каждого лагерного сезона), мальчики постарше разделись и выбежали на большой травянистый квадрат поля. На них были только шиповки и кепки-бейсболки, в руках они держали перчатки. Голые, трусили они по траве, отмахиваясь от комаров, спешили на зов двух воспитателей, стоявших в дальнем конце поля. Горный воздух был свеж и прохладен, ярдах в трехстах от лагеря поблескивало под лучами заходящего солнца озеро. На фоне зеленого газона фигурки, казавшиеся снежно-белыми, так и кружили, точно исполняя бешеный и радостный ритуальный танец, очищавший сорок мальчишек от десяти месяцев соблюдения приличий в школе, от сковывающих тело одежд и всех табу взрослого мира. Перед ними было долгое лето с его играми, горами, запахом бальзама и полевых цветов, с прохладной озерной водой и безудержным смехом. И они дикарской своей наготой приветствовали наступление долгожданной свободы, пытаясь перехватить передачу, бегали и прыгали по упругой траве – только шиповки мелькали в воздухе. Болезни и неизбежное взросление казались в тот момент просто невозможными, даже наступление сентября было отодвинуто куда-то в вечность этим счастливым и незабвенным днем, первым днем июля 1927 года.

Поскольку Бенджамин был мальчиком крупным, рослым и мог состязаться на равных с более взрослыми ребятами, его поместили в палатку для старших. Мальчикам, обитавшим в ней, было от пятнадцати до семнадцати. На протяжении всего лета эта разница в возрасте практически не чувствовалась. Но после отбоя, когда гасили свет и его соседи заводили разговор о сигаретах, выпивке и девочках, Бенджамин тихо лежал на койке, уставившись в звездное небо, проглядывавшее через незакрытый вход в палатку… И чувствовал себя по-детски беззащитным и непосвященным. Он читал куда больше любого из этих парней. Но одно дело, плотно притворив дверь в свою комнату и притворяясь, что делаешь уроки, тайком почитывать «Мадемуазель де Мопен», и совсем другое – лежать в темноте, пронизанной ароматами трав и цветов, и слушать рассказ шестнадцатилетнего юнца о том, как прошлым летом в Лейквуде, штат Нью-Джерси, тот соблазнил девственницу. «Взял ее вишенку под вишневым деревом» – именно так выразился мальчишка, а затем стал во всех подробностях описывать свои действия. Это привело Бенджамина в полное смятение чувств и вызвало такое бешеное и неукротимое томление плоти, что казалось, его не удовлетворить и за всю оставшуюся жизнь.

Он еще ни разу не целовался с девочкой (был искренне убежден, что недостаточно хорош собой, чтоб ему привалило такое счастье); ни разу не выкурил ни одной сигареты (всерьез намеревался стать лучшим в Америке хавбеком); не выпил ни капли спиртного (сомневался, что его, тринадцатилетнего, впустят в бар, подпольно торгующий выпивкой). По природе своей он был честен и вовсе не умел хвастаться, в отличие от других мальчиков, которые и не заходили пока столь далеко, как тот, со своей «вишенкой», но со знанием дела рассуждали о том, как целоваться взасос, залезать девчонкам под юбки и потихоньку отпивать по глотку из заначек, припрятанных папашами.

Мальчика-«вишенку» звали Борис Кон. Примерно две трети ребят в лагере были евреями. Тогда, в 1927-м, это смешение евреев с христианами носило естественный и ненавязчивый характер. Лишь по пришествии Гитлера к власти в подобном смешении начало проглядывать нечто осознанное, демонстративное. Кон был выходцем из богатой манхэттенской семьи, по всей видимости, не желавшей считаться с расходами, чтобы ублажить и вконец испортить мальчишку. Он прибыл в лагерь с портативным фонографом и огромной коллекцией самых популярных в ту пору пластинок. По его словам, он часто ходил в театр, особенно любил музыкальные комедии, водил девушек по ресторанам, посещал бордели, пил подпольно изготовленный джин, курил тайком от родителей. И еще яростно утверждал, что прошлым летом в том самом пресловутом Лейквуде, штат Нью-Джерси, водил в течение целых двух

недель «паккард», предварительно украв у старшего брата права. И, чтоб уж окончательно добить всех и доказать собственную исключительность, он привез с собой две дюжины новеньких теннисных мячей фирмы «Сполдинг». Бенджамин, подобно остальным соседям по палатке, прихватил коробочку лишь с тремя мячами, считая, что их вполне хватит до конца лета.

Фонограф ревел дни напролет. Кон особенно любил две песенки: «Аллилуйя» и «Порой я весел» – из музыкальной комедии «Подъем!». Он ставил эту пластинку снова и снова и даже танцевал, выделывая сложные па на грубом деревянном полу палатки, причем босиком. Самое ужасное в Коне, по мнению Бенджамина, было то, что тот, несмотря на всю свою порочность и развращенность, был щедр и добродушен, да к тому же еще являлся лучшим спортсменом в лагере. Он был самым крутым на поле питчером, быстрее всех пробегал дистанцию в сто и двести двадцать ярдов. И не было на поле бэттера лучше него, и никто другой не посылал в нокаут противника в первом же раунде финального боя для боксеров в весовой категории до ста пятидесяти фунтов. Именно Кон на целых пять ярдов обошел главного своего соперника в заплыве на сто ярдов вольным стилем. Именно он, и никто другой, выиграл групповой заплыв на милю в озере с отрывом около трехсот ярдов. Мало того, он щедро делился с первым оказавшимся под рукой мальчишкой содержимым роскошных посылок, что приходили к нему от родителей два-три раза в неделю. И уже через два часа после прихода почты сам оставался лишь с плиткой шоколада «Херши». Кон безмятежно мастурбировал, когда воспитателей не было поблизости. Этот парнишка умудрился до основания и на всю оставшуюся жизнь перевернуть все представления тринадцатилетнего Бенджамина о морали, подорвать его веру в торжество добродетелей и мудрость и справедливость взрослых.

Воспитателем у них работал полный темноволосый и смазливый молодой человек по имени Брайант, выступавший вторым хавбеком за команду «Сиракузы». Он полностью находился под влиянием Кона и не донес на него, даже когда застиг за курением после отбоя. Брайантом владели две навязчивые идеи. Первая сводилась к тому, что к двадцати пяти годам он полностью облысеет (что, к слову сказать, оказалось еще оптимистичным прогнозом, поскольку облысел он к двадцати четырем). Вторая заключалась в том, что играл он куда как лучше, нежели первый хавбек «Сиракуз», а потому считал, что тренер частенько держит его на скамейке запасных лишь по причине ничем не оправданной личной неприязни. Из всех шестерых обитателей палатки Брайант выбрал в поверенные Кона и обсуждал эти животрепещущие проблемы только с ним. Кон обещал узнать фамилию врача, спасшего шевелюру его дядюшки в сходных обстоятельствах. Кон также подарил Брайанту баночку страшно

дорогого крема для волос, а как-то в выходной – еще и десятидолларовую купюру. Мало того, он обещал, что какой-то другой его дядюшка, выпускник Сиракузского университета, имевший вес и влияние в определенных кругах, лично переговорит с тренером Брайанта. Кон был богат во всех отношениях – на каждый случай у него имелся полезный дядюшка. Однако на деле вышло, что в следующем сезоне Брайанта перевели куда-то на самые последние роли в команде. Но откуда ему было знать о надвигавшейся трагедии тогда, летними вечерами, когда они с могущественным Коном переговаривались о чем-то приглушенными голосами?..

Так незаметно и пролетело лето, под звуки: «Так споем же аллилуйя, прочь печаль и прочь тоску» и: «Порой я весел, порой едва не плачу, в тебе одной – и счастье, и удача!» Июль плавно перешел в август, уже близился сентябрь, и все это – под меланхоличные или, напротив, полные экзальтированного оптимизма бродвейские хиты, а Кон знай себе накручивал ручку фонографа да приплясывал босоногий на деревянном полу.

1964 год

«Я взял ее вишенку под вишневым деревом»… Эти слова вдруг вспомнились Федрову почти сорок лет спустя. «Ее вишенку, вишенку, вишенку, под вишневым, вишневым деревом!» Старая английская баллада.

Тут раздались встревоженные крики, и Федров поднял голову – как раз вовремя, чтобы увидеть, что мяч летит прямо к нему. Можно было бы встать и спокойно поймать его обеими руками. Или же отклониться, и мяч пролетел бы мимо. Но вместо этого он в последний момент беззаботно вскинул над головой левую руку и поймал мяч. Мальчишки на поле расхохотались, послышались приветственные крики и аплодисменты, и Федров, прежде чем бросить мяч обратно, ответил на приветствия типичным для бейсболиста жестом – сделал вид, что приподнимает над головой кепку-бейсболку. И машет ею восторженной публике. Мяч оцарапал ладонь и сломал ноготь; из пальца шла кровь. Но не слишком сильно. И тогда он сунул руку в карман и вытер кровь о подкладку. Было бы гораздо гигиеничнее обмотать палец носовым платком, но ему не хотелось показывать ребятам, что чей-то промах привел к таким неприятным последствиям. «Ну и выпендрежник же ты», – обозвал он сам себя и слегка поморщился. Начинающие могут играть

обеими руками. Он криво улыбнулся. Вечное, неизбывное тщеславие старых спортсменов…

1927 год

Тем летом в жизни Бенджамина произошло еще несколько важных событий. Он участвовал в трех играх в команде старших и, очень эффектно поднырнув, принял трудный мяч, чем обеспечил победу своей команде над другим лагерем. В результате в пятницу, во время церемонии награждения, его выбрали лучшим спортсменом недели. А Кон дал ему целых пять долларов, поскольку именно Кон был тогда питчером. С тех пор прошло немало времени, прежде чем Бенджамину снова удалось заработать на спортивных достижениях – случилось это лишь через год после окончания колледжа, во время Великой депрессии. Тогда он за двадцать пять долларов сыграл в двух или трех футбольных матчах в Ньюарке.

И еще тем летом он впервые в жизни заплакал, жалея ближнего своего. То стало своеобразным этапом, приближающим его к зрелости. А случилось это по окончании финального турнира по боксу, во время которого его брата Луиса побил в трех раундах какой-то мальчишка двумя годами старше, но в той же весовой категории – до семидесяти пяти фунтов.

У Луиса была разбита губа, на лбу красовалась огромная шишка. Брат воспринял избиение с обычным присущим ему стоицизмом, но когда они вместе пошли в душ отмывать кровь и прикладывать ко лбу мешочек со льдом, на глазах у старшего брата вдруг выступили слезы. То были слезы любви и сострадания. Бенджамин даже отвернулся, ему не хотелось, чтобы брат видел, как он плачет. Но он знал, что Луис заметил его слезы, хотя ни тогда, ни впоследствии они ни разу не заговорили об этом случае. Никогда, даже став взрослыми, ни словом не упомянули об этом. Луис тогда мрачно взирал на него, и в глазах его читалось изумление. И еще, похоже, он немного стыдился, как ему казалось, проявления детской слабости у брата, которого никогда прежде не видел плачущим.

Каждое лето к концу лагерного сезона старшие мальчики отправлялись в трехдневное путешествие – играть в бейсбол или баскетбол с командами других

лагерей, располагавшихся в радиусе двухсот миль или около того. Но то было особенное лето, и проходило оно под знаком Кона. Вечером после ужина на лужайке состоялось общее собрание старших, на которое Кону удалось пригласить директора лагеря. И вот он встал и, раскованный и улыбающийся, произнес целую речь.

– У меня потрясающая идея, ребята, – сказал Кон. – Пусть хоть раз в жизни все будет по-другому. Мы на протяжении всего лета только и знали, что гонять мяч. Ну какой смысл трястись в каком-то там грузовике или автобусе, ехать в другой лагерь и снова гонять там мяч? К тому же нас здесь сорок душ, но только пятнадцать ребят едут играть, а все остальные остаются и будут торчать здесь как полные придурки. Мне кажется, это просто нечестно. В конце концов, с каждого берут двадцать баксов за эту поездку, так почему только пятнадцать из нас должны словить кайф?..

Отовсюду послышались одобрительные возгласы. То был необыкновенно самоотверженный, даже жертвенный поступок. Ведь все знали, что Кон играет питчером в двух бейсбольных матчах и еще два матча – в баскетбольной команде. Бенджамин слушал его с замиранием сердца. Он тоже входил в команду старших и мечтал в качестве бэттера сразиться с питчерами, которых никогда прежде не видел. Он собирался верой и правдой бороться за честь и славу своей команды. Лето всегда означало для него только одно – бейсбол. Если б не бейсбол, Бенджамину было бы плевать – пусть хоть круглый год на улице стоит зима.

А Кон все говорил и говорил, и Бенджамин смотрел на порочное, коричневое от загара обезьянье личико и понимал, что сейчас у него отнимают нечто необыкновенно ценное, нечто такое, что по праву принадлежит только ему. И отбирает все это мальчик – лишь потому, что оказался сильнее характером и умнее. И еще он вдруг почему-то понял, что это не в последний раз. Что такое будет происходить с ним и дальше. Нет, он просто не мог возненавидеть за это Кона. Да и вообще, разве можно было ненавидеть Кона?.. Людей, ненавидящих его, просто не существовало в природе. Можно было лишь признавать его власть и силу.

– Я тут вчера позвонил своему дядюшке в Бостон, – продолжал тем временем Кон. Снова на передний план вышла, непобедимая и всемогущая шеренга дядюшек. – И мой дядя сказал: «Я хотел бы развлечь ребятишек». Не знаю, известно вам или нет, – продолжал Кон, – но очень часто бродвейские пьесы

проходят нечто вроде обкатки, прежде чем их покажут в Нью-Йорке. И проходят они эту обкатку именно в Бостоне. И вот дядя сказал, что как раз сейчас у них идет музыкальная комедия под названием «Прощай, Банни!» и что это просто полный восторг. Комедианты, хор, кордебалет и все такое прочее. И еще дядя сказал, что в Нью-Йорке билеты на этот спектакль будут стоить целое состояние, но он знает одного человечка, владельца театра в Бостоне, так тот уже обещал организовать нам лучшие места в следующий вторник…

Из толпы мальчишек донеслись восторженные возгласы. Кон ухмыльнулся, затем взмахом руки заставил всех замолчать.

– И это еще не все. Вечером после спектакля дядюшка устраивает нам вечеринку. Настоящую вечеринку. – Тут Кон многозначительно подмигнул. – Ну, вы поняли, что я имею в виду. Шикарная жратва, омары, пунш, торт с мороженым. И если б тут не было наших добрых и мудрых наставников, я бы сказал, на что похож этот славный старый пунш. Нет, он будет состоять не только из фруктового сока, если вы, конечно, поняли мой намек. Где угодно, только не в доме моего дядюшки! – Все дружно расхохотались, услышав эти слова, в том числе и Брайант, и другие воспитатели, и даже директор. – Но и это еще не все. У моего дяди имеются две дочери. – Тут он выдержал многозначительную паузу, чтобы дошло до всех. – Красотки!.. И говорю я о них так вовсе не потому, что они доводятся мне кузинами. И еще они не какие-нибудь там соплячки. Взрослые, почти уже старушки. Одной вроде бы пятнадцать, другой семнадцать, вот так. И определенный опыт у них имеется. Не верьте тому, кто говорит, что Бостон – скучный город! Я побывал там на Рождество, и обратно, к поезду, меня буквально на руках пришлось нести. И эти девушки там далеко не единственные, нет, ребята. У них полно знакомых, подружек. Блондинки, брюнетки, девочки из Вассара, Рэдклиффа. Университетские девушки. И все они придут, и будут сидеть и ждать, пока кто-нибудь из нас не подойдет и не спросит: «Позволите пригласить вас на танец, леди?»

Теперь Кона приветствовали свистом. Он снова утихомирил всех властным и небрежным взмахом руки.

– И если кто-то из нас ну никак не может обойтись без бейсбола, что ж, как раз в это время в Бостоне состоится матч, играют «Бреверы» против «Чикаго». И мой дядя непременно позаботится о том, чтоб для желающих забронировали места в ложе, лучшие места на стадионе. Итак, если вам уже не в кайф жевать

гамбургеры, пить колу и играть на поле лагеря Кейнога, которое не ровнее, чем какой-нибудь выпас для коров, и где все вы должны нацепить маски кэтчеров, чтоб защититься от неудачных бросков и приемов… тогда я на спор готов сожрать перчатку Бенни Федрова стоимостью пять долларов пятьдесят центов, чтоб доказать – у дяди в Бостоне будет куда веселее!

Даже Бенджамин поймал себя на том, что улыбается, все же остальные ребята громко расхохотались, услышав предложение Кона. Страсть Бенджамина к игре, равно как и трепетное отношение к перчатке, были известны всем и нередко служили объектом шуточек и насмешек.

– Бенни, – вкрадчиво улыбаясь, заметил Кон, – ты ведь не будешь на меня сердиться, нет? Ты же знаешь, как я тобой восхищаюсь! Мне много где довелось побывать, навидался я разных игроков. И со всей ответственностью готов заявить, что более многообещающего филдера, чем ты, в жизни своей не видел! Да что там говорить! – Теперь Кон снова обращался ко всем. – Когда уже было два аута, и я стою в круге питчера, и мяч уже выброшен к центру поля, я даже не оглядываюсь, даже знать не желаю, что там происходит. Просто бросаю свою перчатку и спокойненько так иду себе к скамье. Потому что знаю: там Бенни, он на месте, а если Бенни на месте, то мяч будет взят. – Он сделал несколько мелких осторожных шажков к Бенджамину. – Ты ведь не сердишься на меня, нет, Бенни?

– Нет, – ответил Бенджамин, – не сержусь.

«Сердиться» – это было, пожалуй, самое неподходящее слово для описания чувств, обуревавших его в тот момент. К тому же ему было всего тринадцать, и он никак не мог подобрать точного слова для обозначения того, что делает с ним сейчас Кон. И, вполне возможно, он так никогда и не узнает точного определения этому. А если узнает, то прибережет его для соответствующего случая – мало ли что еще может произойти в жизни.

– Ладно, – сказал Кон и вернулся на прежнее место, снова стал лицом к ребятам, рассевшимся на траве. – Это всего лишь предложение, не больше. И если вы, ребята, не хотите ехать в Бостон, ваше право, я не в обиде. Поеду с вами на матч и буду сражаться так, словно то мировой чемпионат, а сам я – Дэззи Вэнс. Тоже неплохо. А вообще-то, думаю, нам стоит проголосовать. У нас свободная страна, решающий голос за большинством, ну и так далее в том же духе. Одно из двух. Или «Прощай, Банни!», или лагерь Кейнога. Вам решать.

«Прощай, Банни!» набрала сорок один голос. Лагерь Кейнога – всего два. Один принадлежал Бенджамину, другой – мальчику по фамилии Берк, который не играл ни в одной из команд, но у которого в Бостоне проживала бабушка. Старушка, в свою очередь, непременно пригласила бы его на ленч, узнав, что внук в городе.

Бостонский дядюшка Кона взял билеты на «Прощай, Банни!» на 23 августа. Уже строились самые радужные планы, и никто из них не обратил тогда внимания, что на тот же день была назначена казнь двух рабочих, Сакко и Ванцетти. Казнь должна была состояться в тюрьме бостонского района Чарльзтаун. Мальчики вообще читали мало, а если и читали – так только спортивные обзоры в газетах, попадавших в лагерь. Однако директор лагеря, являвшийся в зимнее время директором школы, читал не только спортивный раздел, но и первые страницы газет. А они так и пестрели угрозами бунта, взрывов бомб и волнений в Бостоне – в том случае, конечно, если казнь не отменят.

И, понятное дело, директору страшно не хотелось отпускать мальчиков, вверенных его заботам, в город, кишевший, как уверяли газеты, анархистами всех мастей, съехавшимися со всего мира. В город, где вполне могли произойти уличные волнения и даже взрывы бомб.

Он собрал старших мальчиков и прочитал им краткую лекцию по современной истории. Но стоило ему только обмолвиться, что путешествие в Бостон лучше всего отменить, слушатели испустили стон разочарования.

– Нет, со всей определенностью сказать пока нельзя, – продолжил директор. Это был внушительной внешности мужчина, очень спокойный, с лысиной на макушке, как у священника, и узкой тонзурой коротко стриженных седых волос по краям. Все лето, начиная с 30 июня, он жил в непрестанном страхе за нежные детские души, доверенные ему их родителями. – Никакой определенности, – добавил он. Люди во всем мире выражают свой протест, в самом деле немало путаницы и невыясненных до конца обстоятельств. И лично я не удивлюсь, если в любой момент губернатор штата Массачусетс, который, кстати, является личным моим другом, а также очень влиятельным и справедливым человеком, или же распорядится отдать дело этих несчастных на доследование, или же просто отменит столь жестокий приговор. Словом, следует ожидать важных событий, – многозначительно добавил директор. Наверное, впервые за все время

пребывания в лагере мальчики услышали от него эту фразу. – Мы уже договорились с лагерем Кейнога и лагерем Беркли. Лично я побеседовал с нужными людьми в Бостоне. Так что вне зависимости от того, как будут развиваться эти события, никто не собирается лишать вас удовольствий и развлечений. Если этим беднягам предстоит умереть, вы все равно сможете сыграть два баскетбольных и два бейсбольных матча. Но если вдруг, пусть даже в самую последнюю минуту, мы услышим, что им сохранили жизнь, что ж… тогда вы… э-э… отправитесь кутить в этот самый Бостон.

Безутешные и разочарованные, мальчики стали расходиться. И Бенджамин оказался рядом с Коном.

– Что происходит, Кон? – спросил он. – Разве губернатор не доводится тебе одним из дядюшек? – То было, пожалуй, самое язвительное из замечаний, которое он произнес за все свои тринадцать лет. И Кон удивленно поднял на него глаза. Только сейчас до него дошло – и сам этот факт потрясал до глубины души, – что есть, оказывается, на земле люди, которые могут не одобрять его действий, которых он не в силах обаять. И которым, возможно, даже доставляет удовольствие видеть, как он страдает.

Утром 23 августа сорок три мальчика и четыре воспитателя заняли свои места в грузовиках «Рео», где сиденьями служили длинные скамьи, поставленные в два ряда вдоль бортов. От дождя пассажиров защищал кусок брезента на деревянных опорах. День выдался сырой и ветреный, на всех мальчиках были свитеры. Судя по последним слухам из Бостона, губернатор еще не решил, стоит ли проявлять милосердие к двум осужденным. Брайант, назначенный ответственным за экспедицию, должен был позвонить директору лагеря ровно в час дня – для получения окончательных инструкций. Если к этому времени казнь отменят, грузовики продолжат путь в Бостон. Если же Сакко и Ванцетти окажутся на электрических стульях, им следовало изменить маршрут и ехать в лагерь Кейнога, где мальчики сыграют в бейсбол, переночуют, а наутро сыграют еще один матч, баскетбольный. После этого им предстояло отправляться в лагерь Беркли, повторить ту же программу и на следующий день вернуться в свой лагерь.

У двух-трех мальчиков постарше оказались с собой газеты; исходя из написанного там, можно было заключить, что губернатор все же должен отменить приговор. Бенджамин, жадный до любого чтива, читать газеты пока не

начал, а потому не имел собственного мнения о деталях этого дела, справедливости или несправедливости приговора. И еще совершенно не понимал, почему вокруг двух людей, о которых он прежде никогда не слышал, поднято столько шума. Каждый год в Соединенных Штатах вешали или сажали на электрический стул сотни людей, это он знал. Но казни никогда не мешали чьим-либо планам, и смысл именно этой казни и особое ее значение были еще недоступны его пониманию.

Он все же пробежал глазами газетную колонку, где дело двух рабочих сравнивалось с делом Дрейфуса, но поскольку Бенджамин и о Дрейфусе никогда не слышал, это не помогло.

Он устроился поближе к заднему, открытому краю кузова, трясся на жесткой скамье, вдыхал запах пропыленного брезента и надеялся, что его не укачает. Он не смеялся шуткам мальчиков, сидел молчаливый и мрачный с закрытыми глазами, изо всех сил стараясь подавить тошноту, подкатывающую к горлу из-за вони выхлопных газов и тряской дороги. Нет, не то чтобы он желал смерти Сакко и Ванцетти, но если бы точно знал, что их не казнят, то остался бы в лагере. Его ничуть не привлекал Бостон: театрами он не интересовался, от хваленого пунша дядюшки Кона его наверняка будет тошнить, а уж насчет того, что ему удастся привлечь внимание какой-нибудь из семнадцатилетних блондинок или брюнеток из Вассара или Рэдклиффа, не было никаких иллюзий. Оставшись в лагере, он всегда мог послушать радиопередачу о матчах промежуточной лиги или взять пару книжек, забраться в каноэ и спокойненько в свое удовольствие почитать. Так что на деле его присутствие в грузовике было своего рода залогом того, что тех двоих все же казнят и что на протяжении двух ближайших дней он получит возможность отличиться в двух своих самых любимых играх.

Итак, грузовики «Рео» катили по узким ухабистым дорогам Новой Англии, вздымая тучи пыли и припудривая ею тянущиеся вдоль обочин молоденькие сосновые посадки. А мальчики в машине, где ехал Бенджамин, начали петь. Поскольку среди них оказался и Кон, то пели они, естественно, «Аллилуйю» и «Порой я весел, порой едва не плачу». Сам Бенджамин молчал, не пел. Ему были ненавистны эти мелодии (видимо, тут сказывалась неприязнь к Кону). Он чувствовал, что волосы и одежда пропитались пылью, пыль хрустела даже на зубах, желудок выворачивало наизнанку, во рту было кисло от подступающей тошноты.

Много лет спустя он, сержант-пехотинец, сидел, пристроившись у борта бронетранспортера, битком набитого людьми, который катил по равнинам Франции после высадки в Сен-Ло[5 - Департамент во Франции, неподалеку от пролива Ла-Манш, где в июле 1944 г. состоялась высадка американского корпуса на нормандское побережье.]. Часть его лица прикрывал платок цвета хаки, чтобы хоть немного защититься от пыли. И тогда вдруг у него возникло странное ощущение, что все это уже было прежде, что он чувствовал, испытывал то же самое другим давним летом. Впечатление это лишь усилилось, когда на дороге неподалеку от Авранша нестройный хор беззащитных молодых голосов вдруг грянул: «Так споем же аллилуйя, прочь печаль и прочь тоску». А потом: «Так споем же аллилуйя, так споем ее сейчас, только это, аллилуйя, нам поможет в трудный час!»

Кон стоял между двумя рядами скамей, ловко балансируя и удерживая равновесие – грузовик так и ходил ходуном из стороны в сторону – и дирижировал хором. Он размахивал руками, строил смешные и грозные гримасы, изображая, что дирижер недоволен тем, что кто-то из мальчиков фальшивит. Пение завершилось громким смехом. Кон же, продолжая кривляться, воздел обе руки, призывая свой оркестр: «Встать, джентльмены, встать!»

И все, кроме Бенджамина, встали, даже Брайант поднялся вместе с остальными, видимо, решив подыграть своему любимчику. Кон вопросительно поглядывал на Бенджамина, и тот вдруг испугался: что, если Кон собирается как-то особенно гадко над ним подшутить? Но Кон лишь улыбнулся, затем принялся импровизировать – сперва, когда мальчики уже сели, замурлыкал под нос какую-то мелодию, затем уже во весь голос запел на мотив «Порой я весел», но только с другими словами.

– Порой я весел, – пел Кон, – порой едва не плачу! А Сакко и Ванцетти постигла неудача! Добрый мистер губернатор, проявите снисхожденье! И, пожалуйста, мы просим, отмените представленье!

Хоть и не слишком складная выходила у него песенка, Кон все же умудрялся придерживаться ритма и даже зарифмовал несколько слов. И взрыв смеха приветствовал его сметливость.

– А теперь, – крикнул он, – все вместе!

– Порой я весел… – затянули юношеские голоса, перекрывая рев мотора. – А Сакко и Ванцетти постигла неудача!..

Только Бенджамин по-прежнему молчал. «Этот сукин сын умудряется все превратить в шутку», – с горечью думал он, понимая, что остальные ребята, узнав об этой его мысли, непременно прозвали бы его чокнутым.

– Добрый мистер губернатор, проявите снисхожденье! И, пожалуйста, мы просим, отмените представленье!..

Голоса звучали все громче и громче, мальчики выучили новые слова, и хор гремел, когда ровно в час дня грузовик резко притормозил и остановился у почтового отделения в маленькой деревушке. Брайант пошел звонить директору лагеря.

Деревня была хоть и маленькая, но в центре имелась зеленая лужайка с летней эстрадой для оркестра, а рядом с почтой находился универсальный магазин. Мальчики вышли и стали разминать ноги, а потом расселись – кто прямо на траве, кто на ступеньках эстрады – и принялись жевать сандвичи и апельсины, пить теплое, попахивающее металлом молоко из термосов, которыми снабдили их лагерные повара.

Брайанта не было очень долго, и Кон успел научить новой песне ребят из других грузовиков. Деревушка выглядела почти вымершей, поскольку было время ленча. И лишь какой-то фермер да двое прохожих с недоумением прислушивались к странной песенке, которую распевал хор из сорока мальчишек в лагерной униформе, причем голоса в этом хоре варьировались от совсем детского сопрано до неуверенного баска. «А Сакко и Ванцетти постигла неудача…»

Когда наконец из дверей универмага вышел Брайант, на лице у него застыло скучное и надменное выражение – именно с таким выражением направляется тренер бейсбольной команды к своим игрокам, чтобы послать их в душ. И все, прежде чем он заговорил, уже поняли: новости плохие.

– Ребята, – сказал Брайант, – боюсь, что Бостон отменяется. Ровно час назад этих двух парней казнили на электрическом стуле. Так что давайте-ка побыстрее забудем обо всем этом, поедем в лагерь Кейнога и покажем тамошним слабакам,

каким должен быть настоящий бейсбольный клуб! И что этот сезон не прошел для наших игроков даром.

– Черт побери! – воскликнул Кон. – Лучше б я вообще дома остался.

Правила запрещали воспитанникам непристойно выражаться в лагере. Но Брайант утешительным жестом обнял Кона за плечи и сказал:

– Я разделяю твои чувства, Борис.

И вот все они снова полезли в грузовики и покатили в лагерь Кейнога. Бенджамин снова пристроился на самом краю, у открытого заднего борта, опасаясь, что его непременно вырвет после толстых и сытных сандвичей и целого термоса молока. Мысль о том, что примерно через час он уже будет играть в бейсбол, мысль, от которой прежде он пришел бы в радостное возбуждение, сейчас ничуть не грела. Потому что он знал: все остальные ребята будут играть с отвращением, кое-как. Ведь он был среди них единственным, кто так ждал и жаждал игры! И еще Бенджамин понимал, что, как бы себя ни вел, что бы ни делал, что бы там ни говорили о нем остальные, часть этого отвращения будет направлена на него. «Черт, – подумал он, – да у меня нет ни одного друга в этом паршивом лагере! Нет, следующим летом надо будет поехать куда-нибудь в другое место».

В тот день они проиграли. Годы спустя, когда Бенджамин уже учился в колледже, ему попался какой-то необыкновенно образованный тренер. И вот однажды этот тренер сказал ему: «Лично мне все равно, насколько ты натренирован, насколько хорош, насколько талантлив. Я хочу одного: чтобы ребята играли со страстью! Если нет в тебе этой страсти, нечего даже и на поле выходить. Лучше уж проторчать все воскресенье в библиотеке, хоть чему-то научишься. Ты ведь не для меня это делаешь и не для кого-то еще. И нечего выпендриваться. Толку от тебя сегодня все равно ноль!» Тогда Бенджамину было девятнадцать и в те времена он был куда более blase[6 - пресыщенный (фр.).], нежели теперь, под пятьдесят. И он с трудом подавил усмешку, услышав от тренера это слово, «страсть», – оно казалось таким неуместным, когда речь шла о бейсболе. Лишь гораздо позднее он понял, что имел в виду тренер.

Как бы то ни было, но никто из ребят, в том числе и сам Бенджамин, не играли в тот августовский день 1927 года со страстью. Игроки двигались по полю лениво,

вяло, точно во сне. Да и он за всю игру не сделал ни одной приличной передачи. На восьмом иннинге[7 - Иннинг – один игровой период в бейсболе, каждая игра состоит из девяти иннингов.] вдруг пошел дождь, Бенджамин поскользнулся и пропустил мяч, который пролетел прямо над его головой и закатился куда-то в кусты. Короче, команда лагеря Кейнога сделала еще две перебежки и победила. Первый раз за весь сезон он так позорно играл. Правда, никто из ребят не попрекнул его и словом, когда они уходили с поля. Лишь Брайант заметил:

– Тоже мне Трис Спикер.

Он пробормотал это с горечью. Трис Спикер был гениальным центровым филдером того времени, и ирония была вполне уместна.

– Мне стыдно за тебя. Придется найти тебе замену, толку от тебя все равно никакого. Да, и завтра с «Беркли» ты не играешь. Ты просто человек, приносящий неудачу, Федров.

«Ну и дурак же, – подумал Бенджамин. – Я и не знал, что ему так хочется в Бостон. Неудивительно, что он в «Сиракузах» лишь на вторых ролях. Наверное, слишком туп, чтоб запомнить сигналы».

Замену Бенджамину нашли в лице толстого пятнадцатилетнего коротышки по фамилии Сторч, который бросился отбивать короткие прямые удары, даже не сняв биты с плеча. Мало того, умудрился целых два раза выронить пойманный мяч, что позволило ребятам из лагеря Кейнога выиграть две лишние перебежки.

Бенджамин был тогда еще слишком молод и слишком нацелен на победу той команды, за которую выступал, чтобы получить хоть толику удовлетворения от позорного провала Сторча. И весь остаток дня и вечер пробыл один, стараясь держаться в стороне от ребят. Несчастный и мрачный, он мечтал о том, чтобы лето поскорее закончилось, и был готов хоть сегодня же вечером уехать домой.

На следующий день на игру он не пошел. Взял каноэ, столкнул его в озеро и греб долго и усердно до тех пор, пока не стихли вдалеке крики болельщиков. Потом лег на спину и смотрел в небо, испещренное легкими мелкими облачками, и слушал, как журчит вода, омывающая борта его лодки. А потом развернул и стал читать «Сэдерди ивнинг пост». На обложке красовался портрет старого ковбоя, слушающего «Викторолу»[8 - Товарный знак граммофонов и патефонов,

пластинок и проигрывателей.] с рупором. В руках старый ковбой держал пластинку с надписью: «Сны о давно ушедшем». И плакал. В журнале был напечатан рассказ, который Бенджамин прочел с неподдельным интересом. Что мне теперь делать? Так спрашивала сама себя Эмили, и голос ее звучал как-то странно. Что, к примеру, может остановить меня сейчас, не дать спуститься с холма в долину?.. Туда, где раскинул свои шатры цыганский табор, туда, откуда доносится в сумерках призывный зов скрипки?..

И баскетбольный матч выиграли ребята из лагеря Кейнога. Брайант срывал свой гнев и раздражение на всех подряд. На всем долгом пути к лагерю Беркли мальчики сидели с удрученными лицами. И никакого пения из грузовиков больше не доносилось.

1964 год

Федров передвинулся на другой край скамейки – солнце слепило глаза. Энди Робертс был все еще в игре, но третьего игрока базы заменили Джоем Серрацци, отец которого был владельцем местного винного магазина. Несколько лет назад Серрацци играл за «Западную Виргинию» и считался лучшим игроком в городе, что заставило Федрова вновь сосредоточиться на игре. Серрацци был все время в движении, перед каждой подачей привставал на цыпочки, а руки при этом висели свободно и ниже колен. Подобная поза предполагала готовность к чему угодно. Во время иннинга он спикировал на противника, точно хищная птица, поймал отбитый головой мяч голой рукой, неуловимым глазу движением тут же перекинул его низом – из-под руки. И, обогнав игрока противника, достиг первой базы. Он отличился и в следующем иннинге, сделав ложный выпад. Отвлек внимание противника и не дал ему возможности добежать первым. И наконец обвел вокруг пальца бэттера, заставив его покинуть зону. После чего был страйк, в него попали мячом.

– Эй, Джой! – окликнул его Федров. – На что ты только время тратишь? А в «Метс» тебя явно не хватает.

– Да я лучше буду выпивкой торговать, – ответил Серрацци. – Я ведь как-никак интеллектуал.

В следующем иннинге он уже в качестве бэттера первым отбил мяч и устремился к базе. Казалось, он не бежит, а летит на крыльях. Федров отыскал глазами Майкла, увидел, как тот развернулся и тоже побежал, понимая всю отчаянность и безнадежность этого рывка, рванулся к изгороди, отмечавшей границу поля. В самый последний миг Майкл высоко подпрыгнул, налетел на изгородь – даже проволока зазвенела от удара, – упал на колени, но мяч все-таки взял. Потом медленно поднялся, не выпуская его из рук. Со скамей, где сидели немногочисленные зрители, послышались одобрительные свистки. Серрацци подошел и сел рядом с Федровым.

– Вот кого ждет «Метс», – сказал он. – Ваш малыш, ему очень нравится побеждать, верно?

– Похоже, что да, – согласился Федров. И вдруг вспомнил свою реакцию на слова тренера о «страсти». Тогда ему было девятнадцать. Интересно, поймет ли Майк, если он скажет ему нечто подобное?

– Он что, намерен заняться игрой всерьез? – спросил Серрацци. – Могу дать ему пару добрых советов.

– Да нет, – ответил Федров, – вообще-то он предпочитает теннис.

– И прав. Теннис – такая игра, в которую можно играть всю жизнь, – заметил Серрацци с присущим каждому спортсмену отсутствием неловкости от сознания того, что говорит штампами.

Федров не стал объяснять Серрацци, что единственная причина, по которой Майкл сегодня играет в бейсбол, кроется в том, что его не приняли в местный теннисный клуб. А не приняли потому, что он был евреем, вернее, только наполовину евреем. К тому же в городе было совсем немного частных кортов, где разрешалось играть евреям, приехавшим на каникулы, – да и то только взрослым и лишь по выходным. Жена Федрова Пегги, не будучи еврейкой, пребывала из-за этого в постоянном раздражении, и старалась убедить Федрова не принимать в доме знакомых, являвшихся членами этого клуба. Но сам Федров уже давно-давно перестал обращать внимание на эти малоприятные, но мелкие противоречия американской жизни…

Как-то нелепо после Аушвица всерьез расстраиваться из-за того, что твой сын не может пару часов поиграть на корте в субботу. В спорах с Пегги он даже защищал своих более «родовитых» друзей, оправдывая их пассивность в этом вопросе и напоминая Пегги, что во многие заведения, куда они ходили, не пускали негров. Они с женой спокойно мирились с этим фактом, хоть и считали себя людьми без предрассудков. «Я уже не молод, – написал он однажды жене, отвечая на одно из писем, где Пегги сетовала на так называемое лицемерие его друзей из клуба. – И мне уже просто не хватает гнева как-то реагировать на это. Я должен расходовать свой гнев экономно и с умом».

Кстати, Джой Серрацци тоже не мог вступить в теннисный клуб. И религия здесь была совершенно ни при чем. Он не мог стать членом клуба потому, что его отец был хозяином винной лавки. «Интересно, – подумал вдруг Федров, – что больше возмутило бы Пегги? Что в теннис ей не дают играть потому, что муж еврей, или из-за того, что она замужем за торговцем спиртным?.. Надо будет обязательно спросить ее в следующий раз, когда она снова заведет свою песню».

Теперь приходилось щуриться – укрыться от солнца было негде. Близился сентябрь, и солнце с каждым днем стояло над горизонтом все ниже. Сентябрь, низкое солнце, шиповки заброшены за шкаф, каникулы кончились, старые игроки доигрывают последние матчи…

1927 год

И вот утром 1 сентября все они снова оказались на площадке под навесом, на причале, от которого начиналась Фултон-стрит. Дети с радостными возгласами воссоединялись с родителями, воспитатели с важным видом принимали подношения, тетушки восклицали, как замечательно выглядит маленький Ирвин или Патрик. Ребята постарше обменивались рукопожатиями, обещая друг другу непременно встретиться снова. В центре этого водоворота находился директор лагеря, он лучезарно улыбался, поскольку еще одно лето обошлось без неприятных происшествий – никто не утонул, не было ни эпидемий, ни полиомиелита, все счета оплачены полностью. Площадка опустела быстро, все спешили домой. И вскоре там остались лишь Бенджамин с Луисом – за ними родители еще не приехали. Директор распорядился, чтобы Брайант побыл с ними и обязательно дождался мистера и миссис Федровых.

Надо сказать, что последнее задание ничуть не воодушевило Брайанта. И они с Бенджамином не обменялись ни словом, стоя чуть поодаль друг от друга. На опустевшем причале вдруг стало как-то жутковато тихо, темноватое помещение напоминало огромную пещеру. Брайант вычеркнул Бенджамина из списка лучших игроков, который составляли в конце сезона (Бенджамин узнал об этом от одного из официантов, обносивших кофе и сандвичами членов совета, на котором проходило голосование). Надо сказать, мальчик воспринял это очень тяжело. В школе он всегда был на одном из первых мест, в классе почти всегда первый, входил в каждый почетный список, который составлялся в конце недели и по завершении учебного года. И вот теперь он демонстративно держался ярдах в десяти от Брайанта, от души желая ему неудачи в каждой игре за команду «Сиракузы» и отчаянно стыдясь, что его враг (отныне он считал Брайанта своим личным врагом, никак не меньше) стал свидетелем беспрецедентной бессердечности со стороны его отца и матери.

– Послушайте, – грубо буркнул он Брайанту минут через пятнадцать после того, как последние ребята ушли с причала, – вам вовсе не обязательно ждать. Я знаю, как добраться до дома. Ездил один из Харрисона в Нью-Йорк и обратно раз сто, не меньше.

– Стой и не рыпайся, – столь же грубо рявкнул Брайант в ответ. – Будем ждать твоих отца и мать. Или кого еще из членов твоей семейки. Тех, кто, может, и вспомнит, что ты должен быть здесь. Пусть хоть весь день на это уйдет.

Луис, стоявший рядом, безмятежно смотрел на реку и сосал карамельки, хотя было всего полдесятого утра. Он мудро запасся ими еще накануне, во время последней вечерней трапезы в лагере.

Родители появились через несколько минут, оба бежали бегом. Оказывается, они просто проспали, будильник почему-то не сработал. Бенджамин пришел в ярость от их дурацких оправданий, поскольку адресовались они не ему с Луисом, а Брайанту. Вот если бы произошло нечто важное, чрезвычайное, какой-нибудь несчастный случай, внезапная смерть одного из членов семьи… Мама поцеловала его. Отец обнял и сказал, что выглядит он замечательно. Мама обратилась к Луису:

– А не рановато ли есть конфеты? – Она тут же бросилась целовать его и поцеловала, наверное, раз сто.

Отец достал двадцатидолларовую купюру и протянул Брайанту. Тот разыграл целый спектакль, делая вид, что пытается отказаться.

– Да берите, берите, – сказал отец Бенджамина и наконец все же умудрился втиснуть бумажку в полураскрытую ладонь Брайанта. – Лишние несколько долларов студенту никогда не помешают.

Бенджамина так и подмывало вырвать двадцатку из руки отца, но еще не пришло время позволять себе такие поступки.

– Должен сказать вам, мистер Федров, – панибратски заметил Брайант, – мальчики у вас просто замечательные. Просто чудесные мальчики!..

Бенджамин шепотом выругался, однако все же пожал руку Брайанту, когда тот подошел и с фальшивой улыбкой заметил:

– Потрясающее было лето, Трис, старина. – Бенджамин тут же понял, что сказано это нарочно и со злым умыслом. С целью напомнить о провале в лагере Кейнога. – Надеюсь, встретимся снова, следующим летом?

– Да, – буркнул Бенджамин, – да, конечно.

– Трис? Трис? – удивленно переспрашивал отец. – А что это означает?

– Это сокращенное от Тристан, – сказала миссис Федрова, бывшая преподавательница музыки. – Это был рыцарь Круглого стола. Он… э-э… – Тут она замялась и даже покраснела немного от смущения. – Он… э-э… ну, заигрывал с женой своего друга, короля Артура. А звали ее Джинерва.

Израиль Федров с подозрением посмотрел вслед Брайанту, уходившему по причалу.

– Все же несколько странное прозвище для тринадцатилетнего мальчика, – пробормотал он.

Бенджамин знал, что если б Брайант назвал его «центральным филдером», отец бы понял, даже счел бы это за комплимент. И еще больше полюбил бы за это

Брайанта. Но ему вовсе не хотелось объяснять отцу, что никакой это не комплимент, скорее – совсем наоборот, не хотелось вдаваться в истинную подоплеку их с Брайантом взаимоотношений. Ему вообще не хотелось говорить о Брайанте. Ему хотелось домой.

На протяжении многих лет слово «предательство» ассоциировалось у Бенджамина с тем рукопожатием на причале. И с будильником, который почему-то не зазвонил тем утром в Харрисоне, 1 сентября 1927 года.

1931 год – 1934 год

Это было последнее безмятежное лето его детства и юности. Партнер отца оказался вором, в октябре фирма обанкротилась. Федровы остались почти без средств и жили в полной нищете до самого конца войны.

В связи с банкротством отца Бенджамин был вынужден хвататься за любую работу – и после школы, и во время каникул, – чтобы как-то прокормиться, купить необходимые для занятий книги и хотя бы несколькими долларами помочь семье. Он продавал газеты, доставлял сигнальный экземпляр «Ньюарк леджер» из типографии, как-то даже проработал все лето воспитателем в лагере в Адирондаке. Работал посыльным, доставлял продукты на дом, занимался с отстающими учениками – словом, не гнушался никакой работы, которая только могла подвернуться голодному и неопытному подростку в черные годы Великой депрессии.

* * *

Поступив в колледж, он оказался в группе студентов, которым обещали по пятнадцать долларов плюс чаевые за то, чтобы они поработали официантами на встрече Нового года в одном из загородных клубов, на западе Пенсильвании. Юноша по фамилии Дайер, устроивший им эту халтуру, был приятелем Бенджамина. Отец Дайера служил в том клубе управляющим. Поскольку стояла зима, теннисные корты были закрыты, в гольф тоже никто не играл, и постоянный штат сократили до минимума. Но встреча Нового года предполагала обслуживание целой толпы гостей, как членов клуба, так и их друзей и

знакомых, и тут уж никого не интересовало, есть ли у официанта хоть какой-то опыт работы. Все, что от них требовалось, – это облачаться в униформу, черные брюки и белую рубашку. А галстуком-бабочкой и белой курткой снабжал каждого отец Дайера. Всего мальчиков было четырнадцать, везли их от колледжа до клуба в трех взятых напрокат автомобилях. Вернуться домой они должны были уже первого января.

Юный Дайер расстарался для своего папаши – представил все в страшно выгодном и привлекательном свете, словно их ждала не работа, а веселые каникулы. Дайер учился на втором курсе, денег у него было больше, чем у любого из однокашников. По природе своей он был прирожденным политиканом, с самоуверенной и бойкой манерой разговора. Одевался с налетом некой небрежности – в надежде, что незнакомые люди примут его за студента Принстона.

Той зимой у Бенджамина закрутился первый в жизни роман – с девочкой, сидевшей рядом с ним на занятиях по английскому языку и литературе. Звали ее Патриция Форрестер, и Бенджамин благословлял преподавателя английского за то, что тот решил рассадить студентов в алфавитном порядке. Патриция была маленькой хрупкой темноволосой девушкой с тонким и бледным личиком «сердечком» – на протяжении нескольких лет Бенджамин искренне считал это эталоном женской красоты. Впервые увидев ее теплым сентябрьским днем, он уже не обращал ни малейшего внимания на других девушек, оставался холоден и невосприимчив ко всем их прелестям. А после того как Пэт заявила, что любит его, долго пребывал в состоянии счастливого и идиотского оцепенения. Он то и дело терял книги, ключи, являлся не на те занятия, читал учебник и не понимал, что там написано. Перед его глазами между печатными строками неотступно маячило нежно улыбающееся и освещенное любовью личико Пэт.

Оба они были девственниками и поначалу только и знали, что целоваться – то в дверях, то в осенней роще у кампуса, то на заднем сиденье какого-нибудь старенького автомобиля, который один из друзей Бенджамина периодически вымаливал у родителей на субботу. Даже после того как оба осознали, что хотят заняться любовью «по-настоящему», на планирование и организацию ушли недели. Ведь надо было найти подходящее для столь знаменательного события место. Бенджамин жил в общежитии; Пэт с мамой, отцом и двумя младшими сестренками проживала в городской квартире в миле от кампуса. В домах, куда они ходили на вечеринки по субботам, было вечно полно народу, а родители имели в те дни скверную привычку возвращаться домой до полуночи. Идея

поехать куда-нибудь в гостиницу и зарегистрироваться там под видом мужа и жены претила обоим. Их первая любовь, дружно решили они, не должна строиться на мелкой и постыдной лжи. К тому же они были уверены, что во всей Америке не найдется ни единого гостиничного клерка, который бы поверил, что они действительно муж и жена, вне зависимости от того, сколько при них будет чемоданов.

И Бенджамин уже начал отчаиваться и почти уверовал в то, что им с Пэт не суждено зайти дальше поцелуев и объятий на заднем сиденье автомобиля – до тех пор, конечно, пока он не повзрослеет и не разбогатеет, чтобы жениться на любимой. На это, как с горечью прикинул он, должно уйти лет восемь, никак не меньше. Но тут вдруг Пэт решила взять дело в свои руки. И устроила так, что ее с Бенджамином пригласили на День благодарения в НьюЙорк, в дом одной из ее подружек.

Подозрения родителей она усыпила, сказав, что хочет остаться в городе и посмотреть парад Мейси[9 - Красочное шествие по Манхэттену в честь Дня благодарения.]. Наконец оба они оказались в комнате вдвоем и заперли за собой дверь. Родители нью-йоркской подружки уехали на праздники в Атлантик-Сити, сама подружка была постарше Пэт и счастлива принять участие в чужой интрижке. Гостей на вечеринке было немного, закончилась она рано; и вот на смену неловкой возне и смущению пришел полный восторг.

Осенней ночью они оказались вдвоем в этой чужой комнате, которая была в их распоряжении на целых восемь часов. Через окна, плотно задернутые шторами, доносился сонный приглушенный шум улицы. Бенджамин чувствовал шелковистое прикосновение тела Пэт к своему телу, прислушивался к доверчивому биению ее сердечка, когда она уснула в его объятиях. В этот момент Бенджамин был твердо уверен в том, что никогда уже больше никого не полюбит, что настанет день – они поженятся и проживут вместе всю свою жизнь.

Ни на какой парад они, разумеется, не пошли. И, возвращаясь вечерним поездом в Нью-Джерси, вовсе не пытались напустить на себя вид, что ничего особенного не произошло, и совсем не сожалели о потерянной невинности.

Разрешив проблему однажды, они обнаружили вскоре и другие возможности – как-то раз один профессор захотел уехать с женой из кампуса на неделю и был счастлив оставить свой дом и малолетних детишек под присмотром Бенджамина; продавец аптеки, где время от времени подрабатывал Бенджамин,

иногда давал ему ключ от своей комнаты. В Нью-Йорк Пэт, естественно, и не думала ехать, а встречалась с Бенджамином в отеле «Пенсильвания», где они уже совершенно беззастенчиво регистрировались как муж и жена, используя – им казалось это чрезвычайно остроумным – фамилию и адрес нового учителя английского. На его занятиях оба сидели тихо и с притворной скромностью, изредка обмениваясь многозначительными улыбочками, пока учитель, прямолинейный, сдержанный и без малейшего чувства юмора молодой человек, диктовал им список книг для домашнего чтения.

Родители Пэт были люди скромные и приветливые, баловали своих дочерей, с симпатией относились к Бенджамину. Время от времени тот испытывал не очень сильные угрызения совести, ведь он обманывал этих добрых и милых людей, пользовался их гостеприимством, а сам… Но он тут же старался отмести эти мысли, успокаивая себя тем, что его любовь к их дочери вечна, что в конце концов он непременно женится на Пэт, чем искупит все мелкие грешки.

Нищий, постоянно озабоченный тем, как бы заработать лишние несколько долларов, неуверенный в своем будущем в это трудное для страны время, Бенджамин был тем не менее счастлив. Как, по уверениям старшего поколения, должен быть счастлив любой высокий, сильный, симпатичный молодой американец. Всего один раз за весь семестр они с Пэт поссорились. В тот день они нашли приют в комнате аптекаря. К этому времени все следы застенчивости, робости и неловкости исчезли, они уже перестали бояться друг друга, а также всепоглощающей силы и глубины своего чувства. Они полностью и абсолютно доверяли друг другу, казалось просто невероятным, что кто-то из них может солгать, что Бенджамин может что-то скрыть от Пэт, а она – от него. После таких встреч они брели, взявшись за руки, по безлюдным и тихим улочкам к дому, где жила Пэт, и когда были уверены, что никто не следит и не видит их, целовались на прощание у двери. На губах оставался запах любви, воспоминание о дневных усладах, он был точно кокон, обволакивающий и защищающий их от всех земных невзгод. Когда-то Бенджамин, прочитав фразу «он плакал от радости», не поверил, что такое возможно. Но теперь, в моменты вечернего расставания с Пэт, сам был готов разрыдаться от счастья.

Он долго и медленно целовал Пэт, потом сжал ее в объятиях, щеки их соприкасались.

– Спасибо, – прошептал он. – Никак не могу подобрать нужных слов, чтобы сказать, как я благодарен…

Пэт резко и сердито вывернулась из его объятий.

– Никогда больше не смей мне говорить ничего подобного! – воскликнула она.

– О чем ты? – удивился он. – Что случилось?

– Послушать тебя, так получается, будто я делаю тебе одолжение, – резко заметила Пэт. – А любовь – это не одолжение! По крайней мере моя любовь. Запомни это раз и навсегда.

Она повернулась и вошла в дом.

Он, совершенно потрясенный, тупо смотрел ей вслед, не в силах сдвинуться с места. Сюрприз номер два, подумал он. Сюрпризом номер один явилось для него открытие, что Пэт его любит. Бенджамин медленно и задумчиво шел к кампусу, размышляя над ее последними словами. «Любовь – это не одолжение…» «Ну конечно, нет, – подумал он. – Что за потрясающая девушка!» В кампус он пришел, уже улыбаясь.

Принимая перед рождественскими каникулами предложение Дайера подзаработать в пенсильванском клубе, Бенджамин понимал, что ему предстоит нелегкое объяснение с Пэт. Они были приглашены на вечеринку к нью-йоркской подружке Пэт и, естественно, должны были остаться там на ночь. Вечеринка предполагалась грандиозная – все девушки в вечерних платьях, молодые люди – в черных смокингах. Пэт уже купила себе платье и договорилась со старшим, уже женатым братом, что тот одолжит свой смокинг Бенджамину – размер у них был примерно одинаковый. Пэт вообще была сентиментальной и очень серьезно относилась ко всем праздникам и торжественным событиям. Бенджамин знал, с каким нетерпением ждет она этого вечера, особенно если учесть, что оба должны были появиться там в столь элегантном виде. Мало того, этот праздник был особенно дорог и значим для них обоих, ведь они отмечали конец самого памятного года в их жизни, а также приход нового – с обещанием и надеждой на развитие еще более пылких и прекрасных отношений.

И вот после последних занятий, знаменующих собой начало рождественских каникул, он пошел провожать ее домой, понимая, что должен сказать все именно сейчас и что следующие полчаса будут не самыми приятными в его

жизни.

С неба падали крупные редкие снежинки, что придавало маленькому скромному городку нарядный вид; с веселыми криками их обгоняли другие студенты – возбужденные, предвкушающие и уже празднующие свободу. Голоса весело звенели, кругом звучал беззаботный смех. Личико Пэт раскраснелось от холода и радости, и она крепко сжимала руку Бенджамина в своей, а потом оба они вдруг, не сговариваясь, побежали вперед и заскользили по ледяным дорожкам.

– Знаешь, у меня идея, – сказала Пэт. – Давай сядем на автобус и поедем к моему брату. Я хочу, чтобы ты примерил смокинг. Хочу посмотреть, как ты в нем выглядишь и…

– Пэт… – мрачно начал Бенджамин. Остановился и притянул ее к себе за руку. – Боюсь, мне не понадобится этот смокинг.

– Что это значит? – растерянно спросила она. – Мы ведь договорились, нас ждут.

– Да, знаю, – кивнул Бенджамин. – Но я не смогу поехать с тобой в Нью-Йорк.

– Но мы же приглашены! – пылко возразила Пэт. – Что случилось?

И Бенджамин объяснил, что получил работу в загородном клубе и что ему заплатят пятнадцать долларов плюс чаевые.

Личико Пэт точно погасло. Бенджамин видел, какие усилия прилагает она, стараясь не показать, насколько обижена и разочарована.

– Пятнадцать долларов плюс чаевые, – протянула она после паузы. – Это что, так важно для тебя?

Бенджамин грубо расхохотался. Подошвы ботинок у него давно прохудились, он чувствовал, как намокли стельки от растаявшего снега; волосы безобразно длинные, потому что он не мог позволить себе сходить в парикмахерскую. Мать, чтобы купить что-то из еды, вынуждена идти пешком целую милю, поскольку давно исчерпала кредит во всех ближайших бакалейных, овощных и мясных лавках. Отец получил временную работу, которая закончится с приходом

Рождества, – торговал игрушками с лотка в универсальном магазине в Ньюарке. И Пэт все это прекрасно знала!..

– Пэт, – сказал он, – неужели я должен повторять всю эту печальную историю с самого начала?

– Нет, – ответила она. В глазах ее стояли слезы. – Деньги!.. – яростно прошептала она. – Я ненавижу эти деньги! – Она выкрикнула эти слова очень громко, двое или трое проходивших мимо студентов с любопытством на нее обернулись.

– А ты обязательно должна поехать, – сказал Бенджамин. – Тебе не составит труда найти себе спутника. – Уж это определенно. До сих пор дюжины юношей и молодых людей постарше не обходили Пэт своим вниманием, настойчиво и часто приглашали ее на свидания – и это несмотря на то что она решительно и бесповоротно отказывала всем подряд со дня встречи с Бенджамином. – Там будет весело.

– Мне не будет, – ответила она. – Да я возненавижу любого, кто согласится со мной поехать! Потому что это будешь не ты! Как я могу веселиться, зная, что ты, с кем я так хотела начать новый год, находишься в сотнях миль от меня и носишь заказы каким-то жалким богатым свиньям?..

– И все же, – неуверенно произнес Бенджамин, – мне кажется, ты должна поехать.

– Я не поеду, – ответила Пэт. Лицо у нее было бледное и совершенно несчастное. – Ровно в девять лягу спать. И заткну уши ватой, чтобы не слышать, как зазвенят в полночь эти чертовы колокола!

– Но, Пэт…

– И еще я не хочу больше об этом говорить, – сказала она и зашагала к дому.

– Дорогая, – догнав ее, нежно начал Бенджамин, – обещаю, мы устроим свой праздник первого января. Свой собственный, только для нас двоих! Просто притворимся, что новый, тысяча девятьсот тридцать второй год начался у нас на

день позже, чем у остальных, вот и все.

– Хорошо, – ответила она и попыталась выдавить улыбку. – На день позже…

И вот холодным утром 31 декабря группа из четырнадцати юношей, все вперемежку – и новички, и второкурсники, и студенты постарше, – тронулась в путь. И всем им предстояло долгое и утомительное путешествие через Нью-Джерси и Пенсильванию. Прибыв в клуб, довольно претенциозное здание с остроконечной крышей и щедро изукрашенное деревянными балками в стиле эпохи Тюдоров (все это, видимо, было призвано заставить членов клуба поверить, что они являются английскими аристократами), они тут же принялись за работу. Они не успели даже распаковать свой скромный багаж и осмотреться, где им предстоит провести ночь. На протяжении всего свинцово-серого холодного дня и глухой черной ночи, навалившейся резко и сразу, они только и делали, что сновали взад-вперед, обдаваемые то волнами ледяного ветра в северном крыле здания, то тропическим жаром кухни, где варились, парились и жарились блюда. Они развозили на тележках ящики с контрабандным виски, коробки с содовой и имбирным пивом, таскали взятые напрокат стулья и фаянсовую посуду. Все это было предназначено для вечернего торжества.

Прибытие первых гостей ожидалось к девяти вечера. Мальчики были так заняты, что едва выкроили время переодеться к этому часу. Их комнаты являли собой ряд крохотных одноместных номеров-клетушек. Летом здесь проживал персонал. Находились они на третьем этаже, прямо под крышей. Переодевшись, они торопливо пообедали. Кухня была огромная, не слишком чистая и буквально завалена банками с икрой, блюдами с pate de foie gras[10 - паштет из гусиной печенки (фр.).], холодными омарами и прочими яствами. Венчать трапезу была призвана целая стая жареных индеек. Но ни одним из этих блюд официантов не угостили. Каждому подали по две тоненькие сосиски, горчицу в качестве приправы, несколько ломтиков черствого хлеба и по кружке жиденького кофе. Распоряжалась на кухне старая бесформенная и неряшливая с виду ирландка, говорившая с сильным акцентом. Она подскочила и вырвала из рук Бенджамина тарелочку со сливочным маслом. Он, взяв тарелочку с буфета, собирался поставить ее на стол, за которым поглощали свой скудный обед голодные студенты.

– Это не для таких, как ты, парень! – гаркнула старуха и отправила тарелочку обратно на буфет. – Или не знаешь, почем нынче фунт сливочного масла, а?

Тут в кухню ворвался юный Дайер, которого они не видели целый день, поскольку он, высадив ребят у клуба, сразу же поехал в город к отцу. Ворвался и начал поторапливать их. Каждый должен был занять свое место – или в гардеробной, или у стойки бара до прибытия первых гостей. Дайера было просто не узнать. Он должен был помогать отцу в качестве метрдотеля, и на нем красовался безупречного покроя смокинг с белой манишкой, с твердым белым воротничком с отогнутыми уголками. На манжетах сверкали запонки с драгоценными камнями. Куда только девался их всегда приветливый товарищ по кампусу? Бросив нетерпеливый взгляд на часы, Дайер громогласно заявил:

– Давайте, ребята, пошевеливайтесь! Пора за работу.

– Дайер, – сказал Бенджамин, – объясни этой старой кошелке, что я хочу масла.

– Она на кухне главная, – ответил Дайер. – И тут свои правила, очень строгие. Так что извини. И давай поднимай задницу!

– Ну и дерьмо же ты, Дайер, – сказал Бенджамин.

– Сейчас не до шуток, Федров, – заметил в ответ Дайер.

Дверь в кухню отворилась, вошел отец Дайера – полный мужчина с болезненно-желтым цветом лица, с разочарованными и подозрительными глазками пойманного за руку картежного шулера. И он тоже был одет очень нарядно – в смокинг с атласными лацканами.

– Первая машина уже у ворот, – объявил он. – Все по местам! Быстро!

Бенджамин натянул белую форменную куртку официанта и пошел на свое рабочее место, к стойке бара, что находился внизу. По дороге он дожевывал последний кусок волокнистой и холодной сосиски.

К девяти тридцати у бара было не протолкнуться. По некой непонятной причине бар был оформлен в морском стиле. Фальшивые иллюминаторы, мигающие зеленым и красным медные фонари, модели разных кораблей в стеклянных футлярах, огромный штурвал красного дерева, обвитый гирляндой разноцветных лампочек, – и все это за добрые сотни две миль от моря.

«Матросский» бар осаждал в основном «молодняк» – супружеские парочки лет за двадцать, юноши из Принстона, Йеля и Гарварда, все как один коротко стриженные. И, как показалось Бенджамину, нарочито высокомерные – они щелкали пальцами, приказывая ему подать выпивку. Была тут и масса хорошеньких девушек и молодых женщин. И все как одна говорили с университетским акцентом, растягивая слоги и глотая на конце букву «а». И на всех на них красовались вечерние платья с глубоким декольте, которые стоили, как догадывался Бенджамин, раз в пять дороже того платьица, что купила себе к Новому году Пэт. И мужчины, и женщины говорили исключительно о таких местах, как Ньюпорт[11 - Приморский курорт в штате Род-Айленд, известен как центр парусного спорта.], и Хайянис[12 - Город на юго-востоке штата Массачусетс, летний курорт, морской порт.], и Палм-Бич, и о том, какой сногсшибательный уик-энд состоялся недавно в Нью-Хейвене, и о том, как это ужасно, что Дадди в очередной раз собрался разводиться. И еще: слышали вы о Джинни и ее совершенно невозможном южноамериканце? И: как ужасно буду чувствовать себя я завтра, поскольку надо поспеть на одиннадцатичасовой поезд на Южную Каролину, а это означает, что вставать придется практически затемно.

Бенджамину казалось, что все эти молодые люди и девушки знакомы между собой чуть ли не с детства и что они обладают уникальной способностью чувствовать себя как дома везде, где бы ни оказались. «Да в этом зале полным-полно Конов, – подумал Бенджамин. – Только все эти «Коны» – не евреи…»

Самой хорошенькой девушкой, несомненно, была темноволосая красотка в черном платье, почти не закрывавшем грудь. Бретелька платья то и дело спадала самым вызывающим образом с пухлого загорелого плечика. У бара девушку тотчас обступили высокие молодые люди. И оттуда все время доносились взрывы громкого смеха, и вся эта развеселая компания попивала контрабандный виски, коньяк и имбирное пиво. Девушка говорила быстро, мягким возбуждающим полушепотом. Она была страшно самоуверенной и явно наслаждалась своим остроумием, беспрестанно стреляла глазками, упивалась восхищенными взглядами молодых людей, обступивших ее со всех сторон и открыто пялившихся на ее выставленные напоказ прелестные грудки и округлые плечики. Эта группа разместилась в самом конце стойки бара. И Бенджамин, обносивший гостей подносом с выпивкой, поймал себя на том, что и сам, точно завороженный и с замирающим от восхищения сердцем, косится на ее обнаженное плечико.

– Ну тут я и говорю ему, – продолжала свое повествование девушка, – если уж в Гарварде все мужчины так себя ведут, придется мне на будущий год попробовать поступить в Таскиджийский университет!..[13 - Университет в штате Алабама, основан в 1881 г. специально для негритянских студентов.]

Стоявшие вокруг мужчины громко и дружно расхохотались, а она, кокетливо постреливая глазками, переводила взгляд с одного на другого, словно желая убедиться, что каждый воздал должное ее остроумию. И тут она вдруг заметила Бенджамина, не сводящего глаз с ее обнаженного плеча. Он торопливо отвел взгляд, и какую-то долю секунды девица смотрела ему прямо в лицо – оценивающе и ничуть не смущаясь. И взгляд у нее был такой спокойный, холодный и цепкий. Бенджамин почти не уступал в росте ни одному парню из ее компании. Он знал, что хорош собой, а опыт, приобретенный за долгие годы игры в футбол и занятий боксом, придавал уверенности. Он ничуть не сомневался, что может побить практически любого из присутствующих здесь мужчин, причем без особых усилий. Но на нем была белая куртка официанта, и он разносил на подносе выпивку. Глаза девушки вдруг прищурились, а взгляд стал почти враждебным. Она все еще смотрела прямо ему в лицо, зная, что поклонники успели проследить за ее взглядом. А затем нарочито медленно и с оттенком презрения поправила соскользнувшую с плеча бретельку. И резко повернулась к Бенджамину спиной.

Он почувствовал, как кровь прихлынула к его лицу, и ему стало жарко, душно и неуютно. Ему захотелось убить эту девчонку, удавить прямо сейчас. Но вместо этого он, чтобы успокоиться, пересчитал стаканы, поставленные на его поднос барменом, и стал проталкиваться сквозь толпу к столику, который обслуживал.

Взрыв смеха, раздавшийся у него за спиной, заставил его вздрогнуть. Он едва не расплескал виски, и мужчина, сидевший за столиком, поднял на него глаза и грубо спросил:

– Не видишь, что делаешь, ты, придурок?

Бенджамин продолжал исполнять свои обязанности и чувствовал, как его захлестывает ненависть к этим людям. Нет, ему вовсе не хотелось быть похожим на них, но в душе зрело безнадежное желание казаться таким, как они – раскрепощенным, уверенным в себе, незаслуженно вознесенным над всем остальным миром и людьми.

Время от времени он видел Дайера с отцом – те обходили залы и гостей. Теперь исчез не только тот Дайер, которого он знал по кампусу – дружелюбный, приветливый, – но и Дайер с повелительными хозяйскими манерами, которого он недавно видел на кухне. Теперь оба Дайера, и отец, и сын, непрестанно улыбались и кланялись – подобострастно, раболепно. Оба старались показать: ничто не доставляет им большего удовольствия, чем пасть на колени и по очереди перецеловать каждый отполированный ботинок из тонкой кожи, носок каждой атласной туфельки на высоком каблуке.

За обедом Бенджамин обслуживал три стола, за каждым сидели по десять человек. Неуклюжесть и неопытность усугублялись еще и тем, что он, не в силах удержаться, то и дело поглядывал на царственно красивую белокурую девушку в белом платье с декольте, сидевшую за одним из его столов. На вид его ровесница, она обладала некой аурой полной безмятежности – похоже, ее ничуть не волновали шум и суета вокруг. И на протяжении всей трапезы снова и снова наполняла свой бокал контрабандным виски – из поставленных на стол бутылок. После третьего бокала каждый новый ее глоток вызывал у Бенджамина приступ тревоги. «Ты слишком красива, – хотелось крикнуть ему, – слишком хороша и мила, ты не должна напиваться!.. Пожалуйста, прошу тебя, ради меня, не надо напиваться…»

К полуночи освещение в зале приглушили, и вот под завывание рожков, пьяные возгласы, неприлично долгие поцелуи в полумраке в Западную Пенсильванию пришел наконец новый, 1932 год. Все вокруг начали разбрасывать конфетти и ленты серпантина, нацепили бумажные пестрые колпаки. У Бенджамина выдалась свободная минутка, и он, привалившись спиной к стене, подумал о себе и Пэт. Гости поднялись и хором запели старинную рождественскую песню. Бенджамин не пел, он думал о Пэт. Лежит сейчас в постели, заткнув ватой ушки, чтобы не слышать звона церковных колоколов. Ему самому хотелось заткнуть уши ватой – и не только из-за звона церковных колоколов.

Все огни ярко вспыхнули снова, и тут девушка-блондинка с размазанной по лицу помадой поднялась и ровным и твердым шагом прошла мимо Бенджамина. Она стала подниматься наверх по широкой резной деревянной лестнице, ведущей на второй этаж, и исчезла из виду. И Бенджамин подумал: наверное, ушла в дамскую комнату привести себя в порядок. Только бы ей не стало там плохо, с тревогой подумал он через секунду. Сама мысль о том, что это прелестное личико склонится над унитазом, что этот розовый, напоминающий лепестки цветка рот искривится и из него фонтаном хлынет рвота, казалась ему

невыносимой. Она отсутствовала минуты две, и тут вдруг Бенджамин увидел, что мужчина, сидевший рядом с ней за столом и непрестанно подливавший ей в бокал, тоже поднялся и двинулся наверх. Их обоих не было минут тридцать. Затем мужчина спустился в зал, один. То был худощавый молодой человек с песочного цвета волосами. На вид ему было лет двадцать, не больше. Обслуживая гостей, Бенджамин невольно слышал обрывки разговоров и узнал, что этот юноша недавно поступил в Дартмут. Вернувшись в зал, он прошел мимо Бенджамина, и тот заметил, что безупречный черный галстук-бабочка, что был на нем во время обеда, исчез.

Минуты две спустя на лестнице появилась блондинка – по-прежнему царственная и невозмутимая, каждый волосок прически на месте, белое платье ничуть не измято. Неспешно и уверенно она начала спускаться вниз, притягивая к себе взоры. В зале к этому времени уже начались танцы. И Бенджамину показалось, что когда она проходила мимо танцующих, по залу разнесся легкий ропот, между тактами музыки слышался то вздох, то нервный смешок. Но возможно, ему все это лишь почудилось. Девушка вернулась к своему столу, села и кивком поблагодарила студента из Дартмута, который снова наполнил ее бокал.

Примерно через полчаса она вновь поднялась из-за стола и с гордо поднятой головой и прямой спинкой грациозно и неспешно начала подниматься на второй этаж. Совершенно измученный, с трудом лавирующий в толпе гостей Бенджамин, в руках у которого был тяжелый поднос с мороженым и чашками кофе, не сводил глаз со студента из Дартмута. Но тот даже не шевельнулся. Минуты через две после того как красавица скрылась наверху, из-за соседнего столика поднялся темноволосый мужчина лет тридцати. За обедом они с девушкой сидели практически спиной друг к другу. Итак, он встал и начал подниматься по лестнице.

На сей раз пара отсутствовала гораздо дольше, наверное, целый час. Многие гости уже разъехались по домам. Но все равно в зале оставалось еще достаточно людей, и Бенджамин снова услышал перешептывание и нервные смешки (только на этот раз куда более громкие и откровенные), когда парочка появилась на лестнице. Совершенно бесстыдно, рука об руку, спускались они в зал, а затем присоединились к танцующим.

«Боже, что же это делается? – подумал Бенджамин. – Как люди могут себя вести подобным образом? Куда смотрят ее мать, отец, ее священник, ее любовник,

наконец?..» О, если бы на нем не было сейчас белой куртки официанта, если бы он не ощущал пропасти, разделявшей его с этой девушкой!.. Он бы взял на себя ответственность. Он бы подошел, поговорил с ней. Но не было в зале ни единого человека, у которого можно было узнать ее имя или адрес. В противном случае он, вернувшись в кампус и защищенный анонимностью, набрался бы храбрости, сел и написал бы ей письмо с призывом беречь себя и свою честь.

Но что он мог сделать здесь и теперь? Ровным счетом ничего. Девушка танцевала с разными мужчинами, Бенджамин ушел на кухню. А когда вернулся, увидел, что ее в зале нет. Осталось лишь несколько пар, лениво и расслабленно топтавшихся под музыку. Наконец оркестр заиграл «Спокойной ночи, леди!», и вечеринка закончилась. Музыканты быстро упаковали инструменты и удалились. Двое парней тащили из туалета какого-то пьяного, с головы до ног перепачканного рвотой. Ни Дайера, ни его папаши видно не было. Отвесив последний поклон, выдавив последнюю подобострастную улыбочку, они, по всей видимости, укатили отдыхать с чувством выполненного долга. Официанты устало поплелись на кухню. Старая ирландка была там – укладывала еду в огромный ледник, а бутылки с виски прятала в маленькой боковой комнатке. На столе стояло угощение для официантов – жиденький остывший кофе в треснувших кружках да черствые рогалики, многие из них были надкушены и явно взяты из корзиночек, стоявших на столах для гостей. Масла по-прежнему не было.

– И что, это все, чем вы собираетесь нас кормить? – спросил ирландку Бенджамин.

– Да, парень, все, – отвечала она. От нее несло перегаром, на губах играла пьяная улыбочка. – А чем плохо? Хлеб штука питательная.

– Но ведь у вас, должно быть, остались тонны жареной индейки!

– Это уж точно, что тонны… – пробормотала старуха.

– Так что ж, их выбрасывать, что ли? – спросил Бенджамин. – Мы же с голоду помираем!

– Обслуге на моей кухне никакой индейки не полагается, – буркнула в ответ старуха. – У меня на кухне всегда был, есть и будет порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Полевой игрок. – Здесь и далее примеч. пер.

2

База – один из четырех углов бейсбольного поля, представляет собой квадрат со сторонами 37,5 см, заполненный мягким материалом.

3

Игрок из команды нападения, отбивающий с помощью биты броски питчера.

4

Игрок обороняющейся команды, который должен вбрасывать мяч в зону страйка.

5

Департамент во Франции, неподалеку от пролива Ла-Манш, где в июле 1944 г. состоялась высадка американского корпуса на нормандское побережье.

6

пресыщенный (фр.).

7

Иннинг – один игровой период в бейсболе, каждая игра состоит из девяти иннингов.

8

Товарный знак граммофонов и патефонов, пластинок и проигрывателей.

9

Красочное шествие по Манхэттену в честь Дня благодарения.

10

паштет из гусиной печенки (фр.).

11

Приморский курорт в штате Род-Айленд, известен как центр парусного спорта.

12

Город на юго-востоке штата Массачусетс, летний курорт, морской порт.

13

Университет в штате Алабама, основан в 1881 г. специально для негритянских студентов.

Купить: https://tellnovel.com/irvin-shou/golosa-letnego-dnya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити